

МАРИНА
СЕРОВА

АНЕКДОТ
В ОСЕННИХ
БОТИНКАХ

В
Д
Е
С
Т
С
Е
В
Е
Р
С
К
И
Х
С
Т
У
Н
Д
А
Х

Частный детектив Татьяна Иванова

Марина Серова

Анекдот в осенних ботинках

«Научная книга»

2007

Серова М. С.

Анекдот в осенних ботинках / М. С. Серова — «Научная книга», 2007 — (Частный детектив Татьяна Иванова)

Как вы поступите, если, вернувшись домой и весело позвякивая ключами, обнаружите в темном коридоре воришку? Таня просто подставила подножку убегающей тени. Что ж, справедливо и результативно! Но почему-то тощий налетчик, неуклюже распластавшись на полу, не подает признаков жизни... Татьяна Иванова – частный детектив и много раз встречалась со смертью. Однако в собственном доме уложить злополучного домушника... Поди докажи теперь, что все произошло случайно! Мало того, само событие явилось началом целой серии загадочных смертей, происходящих почему-то именно там, где появлялась Татьяна...

Содержание

Глава первая	6
Глава вторая	15
Глава третья	24
Конец ознакомительного фрагмента.	29

Марина Серова
Анекдот в осенних ботинках

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2014

* * *

Глава первая

- Татьяна? – Голос в трубке показался мне смутно знакомым.
- Ну, – нейтрально ответила я, заняв выжидательную позицию.
- Не узнала, что ли? – рассмеялся мужчина.
- Если честно, нет. Но если мы поговорим еще немного, то узнаю.

В трубке не то обиженно, не то разочарованно засопели:

– Это ваш знакомый, с которым вы случайно встретились вчера около ночного клуба и который буквально выцарапал у вас телефон, приложив максимум усилий, на какие только способен простой смертный.

Ну, теперь понятно. Действительно, произошел со мной казус. Вообще-то моя профессия не предполагает раздачу телефонов налево и направо. Все же как-то несолидно, частный детектив – и уличные знакомства. А мужчины – как рассуждают? Я – охотник, женщина – дичь. На самом деле все как раз наоборот, но им же не втолкуешь. Поэтому, заполучив номер телефона дамы, будут действовать по этому принципу. Если, конечно, следуют мужскому стереотипу.

Молодой человек, который заговорил со мной и показался неожиданно интересным – а их в моей жизни столько было, и разных, так что заинтересовать меня сложно, – производил двойное впечатление. И не классический тютя, домашний мальчик, и в то же время лишен пресловутой брутальности, которая в цене у многих женщин. Впрочем, и у меня тоже. Но это неважно. Молодой человек назвался менеджером среднего звена и усиленно подчеркивал преимущества своего образа жизни. Правда, в ироничной манере, то и дело прибегая к помощи хита группы «Ленинград»: «Я не такой, как все. Я работаю в офисе». Собственно, это были его первые слова. А потом он представился – Виталий. Далее долго и восторженно плел невесть что. Но не как это обычно делают другие, а как-то по-своему. Иногда непонятно. Иногда удачно. Иногда не очень. Но в целом зарекомендовал себя хорошо для первого раза. Ну, слово за слово, и телефон ему я все-таки дала... И вот ожидаемый звонок. Правда, слегка запоздалый. Все же я успела забыть об этом знакомстве, так как рассчитывала, что если он позвонит, то прямо с утра, когда придет на работу в свой гребаный офис.

Часы показывали уже девятнадцать тридцать. Его рабочий день, по идее, кажется, закончился полтора часа назад. Хотя он говорил о том, что успел ослепнуть от монитора и намеревается заказать себе очки, на что и потратит время. Да-да, я совсем об этом забыла.

– Так вот, я очки заказал и теперь приобрету имидж ботаника, – словно отвечая на мои мысли, говорил Виталий. – Сейчас иду чинить компьютер своему шефу. Поэтому хотел встретиться с тобой завтра... Если, конечно, ты не против.

Я вздохнула.

– Ну а чем будем заниматься завтра?

– Ты всегда планируешь досуг? – вопросом на вопрос ответил Виталий.

– Не всегда. Но в последнее время что-то появилась склонность. Наверное, старею.

Я кокетничала. Виталий казался младше меня: – наверняка ему двадцать два – двадцать три года. А с ветром в голове так вообще сбивает на двадцать.

– А что, компьютер чинится так долго? – продолжала я.

– Вообще-то не знаю, – ответил Виталий. – Возможно, что до одиннадцати провожусь. Кстати, если у тебя какие-нибудь проблемы, то с удовольствием их решу. Я имею в виду в области компьютера.

– Да вроде бы нет, – пожала я плечами.

– Мы можем списаться по «аське», если у тебя есть Интернет, – вдруг ляпнул Виталий, и я почувствовала, что слегка подотстала от жизни.

– Извиняюсь, «аська» – это что? Имя такое?

- Все ясно, – констатировал Виталий с нотками снисхождения.
  - Понятно, я дура, – рассмеялась я.
  - Вовсе нет. Аська – это Ай-Си-Кью, средство общения людей наступившего тысячелетия. Говоря конкретнее, программа, позволяющая общаться через Интернет в режиме реального времени. Что-то типа интерактивного пейджера.
  - Теперь ясно, – протянула я без особого энтузиазма.
  - Короче, решено, – напротив, с большим подъемом в голосе произнес Виталий. – «Аську» я тебе поставлю, и мы будем тратить интернет-время на страстные послания друг другу мегабайтами. Рунет взвост и запросит пощады.
  - Ладно, давай договариваться уже, – оборвала я восторженные излияния компьютерного гения.
  - Давай.
  - Во сколько завтра? У меня, между прочим, планов пока нет. Но, учитывая специфику моей работы, могут появиться совершенно внезапно, – серьезно сказала я.
  - В половине седьмого я бы подъехал на своей почти что иномарке к вашему подъезду или к какому-нибудь другому месту, что вы укажете, – высокопарно предложил Виталий.
  - Что за «почти иномарка»?
  - Новейшая разработка Запорожского автозавода совместно с фирмой «Мерседес-Бенц». Вещь гораздо более продвинутая по сравнению с банальными российскими «Жигулями». Самый писк моды.
  - Понятно, – протянула я. – Ну что ж, подъезжай, потешь меня как автолюбителя. А может, лучше я подъеду? На банальных «Жигулях», а?
- Это предложение поставило моего нового знакомого в небольшой тупичок. Правда, он легко вышел из положения:
- Значит, давай, чтобы никому не обидно было, съедемся в одно место, а там решим, чей транспорт будем использовать.
  - Что ж, хорошее предложение!
- Через полминуты дискуссия по поводу места встречи закончилась. Его, как оказалось, изменить было нельзя. Поэтому договорились встретиться там же, где познакомились.

* * *

Легкая, ни к чему не обязывающая интрижка с Виталием – вот что занимало мои мысли где-то с полчаса после звонка. Мальчик симпатичный, но... Впрочем, не хочу ни о чем думать. Я даже с удовольствием полетела к аппарату, когда он зазвонил снова. Подумала, что компьютер шефа решил починиться сам, и мой рыцарь на новом «Запор-Мерсе» уже готов стартовать на четвертой скорости. Но, к моему разочарованию, это был женский голос. Звонила моя давнишняя подруга, Светка-парикмахерша.

Это что-то вроде ее клички. Я сама уже привыкла к тому, что эти два слова – «Светка» и «парикмахерша» – в моем представлении складываются сами собой и не воспринимаются поотдельности. Слово не бывает Светок, например, ткачих или там врачей и одновременно не встречается парикмахерш Лен и Наташ.

Гражданка она летящая, часто не вписывающаяся в повороты судьбы, поскальзывающаяся, выделяющаяся пируэты в воздухе. После чего, как правило, следует удар пятой точкой о землю. Причем слово «дура», которое напрашивается в подобных случаях, ей все-таки не подходит. Не потому, что Светка моя подруга и я за нее горло способна перегрызть... Она просто вот такая оригинальная, довольно милая. Дуры ведь только мужчинам нравятся, и то не всем и не во всем. А Светка мне очень даже симпатична. Значит, не дура.

Но я увлеклась. Возвращаемся к Светке. Эта... самобытная особа позвонила мне спустя полчаса после звонка Виталия и сбила все мои мысли. Но это ладно. Другое дело, что по ее голосу я сразу поняла – что-то случилось: очередной пируэт вверх ногами и неловкое приземление.

– Та-ань, слушай, у меня это... – шмыгнула она носом.

– Потери большие? – спросила я.

– Достаточные, – плаксиво ответила Светка.

– И в чем они заключаются? – довольно скептически спросила я.

– Понимаешь, я потратила тысячу рублей, – все так же плаксиво отозвалась Светка.

– На что? – примерно с тем же холодным равнодушием уточнила я. Вообще-то меня это вовсе не интересовало, но, как человек воспитанный, я не могла прямо заявить о своем равнодушии.

– Ну, какая разница, на что, – обидчиво протянула Светка и тут же продолжила: – На очень нужные для меня в тот момент вещи. Я просто не могла поступить иначе.

– Ну а что ты от меня-то хочешь? – спросила я, догадываясь, каков будет ответ. Моя догадка не замедлила подтвердиться: Светка понизила голос до драматического шепота и произнесла:

– Ты не могла бы одолжить мне денег? Совсем чуть-чуть.

– Сколько? – устало спросила я.

«Чуть-чуть» по Светкиным меркам составляло тысячу рублей, что не являлось таким уж «чуть-чуть», во всяком случае, для нее. Блин, как же она меня достала, это просто уму непостижимо! Как можно быть такой бестолковой? Это же надо додуматься – взять и растратить деньги непонятно на что!

Светка лепетала что-то в свое оправдание, но я особо не прислушивалась. Вывод напрашивался один – у человека явно поехала крыша. Нет, все-таки правильно говорят – горбатого могила исправит.

Некоторые черты Светкиного характера меня иногда просто бесят. В сущности, она, несмотря на свой двадцатишестилетний возраст, так и осталась ребенком. И боюсь, что останется им на всю жизнь. Совершенно беспомощна, не приспособлена к жизни и голову имеет, мягко говоря, не совсем трезвую. Часто в прямом смысле. Это ясно всем, в том числе и ей самой, хотя она и не признается в этом. А в последнее время Светкины глупости перешли все разумные границы. Она умудрилась довести меня до белого каления, и я прекратила с ней всякое общение, не в силах больше этого выносить. Мне просто надоели ее постоянные просьбы о помощи. Конечно, мы подруги, но не более того! Почему я должна водить ее за ручку и расхлебывать все то, что она нагородила? Она мне не младшая сестренка и тем более не дочь, в конце-то концов!

Вот и пусть посидит теперь одна, без денег, и подумает над своим поведением. А я из принципа не стану ей помогать и даже не поеду к ней. Все, хватит! Иначе она просто превратится в иждивенку.

Короче, я сказала, что у меня материальные затруднения, что расследования мне давно уже не заказывают (что в общем соответствовало истине) и что я тоже за последнее время поиздержалась. Светка, кажется, обиделась. Во всяком случае, я в ее представлении была супербогачкой. И тот факт, что у меня нет денег, в ее голове просто не укладывался.

Вполне возможно, на следующий день я позвонила бы ей сама и сказала, что изыскала средства. И что если она такая уж непроходимая разгильдяйка, я в последний раз пойду ей навстречу. Но тут произошли некоторые события, которые внесли существенные коррективы во многие казавшиеся естественными вещи.

* * *

В этот вечер мне понадобилось съездить по своим делам. Ничто не предвещало дальнейшего развития событий. Я удачно решила свои мелкие проблемы и возвращалась домой. Светку с ее денежными неурядицами уже успела забыть. Менеджер среднего звена Виталий чинил компьютер своему шефу. Словом, в голове не мелькало никаких лишних мыслей.

Я загнала машину в гараж и решительным шагом направилась в подъезд. Войдя в квартиру, я вдруг услышала какой-то подозрительный шорох сзади и инстинктивно обернулась. К двери метнулась какая-то тень. Будучи тренированным человеком – профессия обязывала, – я молниеносно подставила тени подножку, и та растянулась на полу, ударившись головой об угол.

«Тень» лежала и не подавала признаков жизни. Кулаки ее судорожно сжались. Я разжала правый и увидела там свой золотой перстень. Тенью оказался совсем молодой парень, высокий и тощий. В этот летний день он вырядился в рубашку с длинным рукавом, и это навело меня на определенную мысль. Наклонившись, я закатала парню рукав. Тут же моему взору открылись вены, сплошь покрытые синими точками.

«Так, все понятно, ко мне забрался вор-наркоман», – устало, как неизбежность, даже банальность, восприняла я этот факт.

Пока он лежал, я вывернула его карманы и вынула из них деньги, которые этот отморозок успел стянуть из моей шкатулки. Конечно, я сама виновата – моя безалаберность в данном случае сыграла злую шутку. Надо было давно заняться своей дверью и поставить наконец нормальный замок.

Ладно, проехали. Убедившись, что больше ничего из моих вещей у него нет, я грубо пнула парня и сказала ему:

– Эй, ты, а ну давай вставай! Разлежся! Тут тебе не пляж!

Парень не шевельнулся. Ага, в «лежачего не бьют» решил поиграть? Сейчас я тебе покажу, что тоже умею играть не по правилам. Разозлившись на него окончательно, я еще сильнее пнула его в бок. Он не отреагировал. Мне показалось подозрительным, что парень не издал ни единого звука. Он даже не пикнул, хотя удар был достаточно силен.

Встревожившись, я перевернула его на спину. Тело парня казалось безжизненно-слабым и обмякшим. Пустые глаза бессмысленно смотрели в потолок. С ужасом я поняла, что парень мертв. Еще на что-то надеясь, я схватила его руку и поискала пульс. Пульс не прощупывался.

Медленно повернувшись, я на ватных ногах пошла к телефону, а в голове у меня билась одна мысль: я убила человека... Ладно, случилось это в моей детективной практике! Но сейчас, вот так, ни с того ни с сего, в собственной квартире уложить какого-то левого наркомана, которого дьявол попутал залезть именно ко мне, владеющей всеми приемами самообороны и нападения! А может, дьявол нарочно его сюда послал? А может, сам Бог решил таким образом освободить моими руками общество от назойливого присутствия этого никчемного индивида?

Нужно успокоиться и обратиться за помощью к проверенным советникам. А именно – к гадалым костям. Интересно, что те скажут по поводу случившегося и что напроорочат в связи с этим?

И я обратилась к заветному мешочку с косточками.

3+36+17 – «Принимайте жизнь такой, какая она есть, но из всего извлекайте уроки.»

Потрясающая банальность! Самое очевидное, что они могли сказать! И призвать к христианскому смирению перед обстоятельствами.

Я целую минуту возмущалась, полагая, что кости ничем мне не помогли. Однако постепенно стала рассуждать иначе. Они в конце концов лучше знают, что делать. И если призывают к смирению, значит, так тому и быть. Сколько раз случалось, что костяшки заставляли

меня делать то, чего я совершенно не собиралась, однако потом оказывалось, что именно так и следовало поступать!

Ладно, надо звонить. Раз уж кости говорят. Смирение означает необходимость отдаться на милость тех, кому положено. А положено в таких случаях – на милость органов правопорядка. Слава богу, что у меня там много знакомых.

И я решила начать с подполковника Кирьянова – Кири, как я его называю. И хотя время было позднее, мне повезло – именно он оказался сегодня дежурным. Правда, Киря был не в настроении и откликнулся довольно хмуро. Несмотря на то что мы не виделись уже несколько месяцев, его тон наводил на мысль, что я звоню ему каждый день. И так достала, что он слушать больше меня не может.

– Что, убила? Кого? – спросил он так, будто речь шла о какой-то мухе, которую я прихлопнула и не нашла ничего более умного, чем доложить об этом старшему следователю УВД.

– Парень ко мне залез, наркоман, – объяснила я.

– И что, он точно мертв? – с тем же удивительным равнодушием переспросил Кирьянов.

– Пульса нет.

– Так... Ну что, выезжать к тебе, что ли? – зевнул Кирьянов.

– А что, ты хочешь, чтобы я сама приехала вместе с трупом, составила акт, написала протокол со своими показаниями, а тебе только подписать осталось? – Я уже не на шутку вскипела.

– Ладно, жди, сейчас приедем, – вздохнул Кирьянов и отключил связь.

«Сейчас» означало «через час». Именно столько времени я была вынуждена ждать оперативников и Кирию во главе с ними. Томясь ожиданием, я машинально достала из кармана олимпийки пачку сигарет, выбила одну и прикурила. С жадностью затягиваясь, тупо смотрела перед собой и ничего не соображала. В данный момент меня совсем не интересовало, что со мной произойдет дальше. Просто постепенно привыкала к мысли, что я убила человека.

Протяжной трелью залился звонок. Я встала и прошаркала в коридор, не обращая внимания на то, что пепел падает на пол. Увидев лежащее на полу тело, невольно вздрогнула и остановилась. Потом осторожно обошла его и боком пробралась к двери. Открыв ее, я увидела лицо Кирьянова. Оно не было взволнованным, скорее уставшим.

– Привет, – бросил он мне, проходя в квартиру. – Ты в порядке?

– В порядке, – тихо ответила я. – Только кое-кто уже не в порядке. Проходи, Володя.

Кирьянов вошел в коридор и невольно отпрянул при виде тела. Видимо, он до последнего думал, что это какое-то недоразумение.

– Татьяна, как это случилось? – спросил он, поворачиваясь ко мне.

Я честно рассказала, как все было.

– Так, так, – повторял Киря, все больше мрачняя. – Хорошо. Еще пока рано волноваться, все будет хорошо.

Киря явно старался меня успокоить, хотя по выражению его лица я видела, что теперь-то он встревожен не меньше меня. Даже, пожалуй, больше, потому что я в этот момент ощущала лишь какую-то вялую тупость.

Киря вызвал «скорую» и что-то сказал опергруппе. Какие-то люди стали задавать мне вопросы, смысл которых с трудом доходил до меня, но я как-то умудрялась отвечать. Потом вдруг осознала, что сижу с ногами на диване, с сигаретой в одной руке и чашкой кофе в другой. Рядом сидел Кирьянов. Периодически он что-то говорил, но я почти не реагировала на его слова. Вскоре к нам подошел невысокий лысоватый человек с усиками – судмедэксперт.

– Ну что? – сразу же встрепенулся Киря и поднялся.

– Похоже на сердечный приступ, – развел тот руками.

Мы с Кирей недоуменно уставились на него.

– Да-да, внезапная остановка сердца, – подтвердил усатый. – Разумеется, по предварительным данным.

– А как же, как же так? Я же ему подножку поставила, и он упал. Он головой ударился, – разжала я губы.

– Это понятно, – кивнул судмедэксперт. – Но, честно говоря, я сомневаюсь, чтобы удар такой силы мог привести к гибели. Одним словом, после вскрытия все будет ясно, – невозмутимо заключил судмедэксперт, методично и спокойно укладывая инструменты в чемоданчик.

Конечно, зачем ему суетиться и нервничать! Не он же лишил жизни человека! Но... Сердечный приступ? Вот уж чего я ожидала меньше всего. Осторожно выглянув из-за плеча Кири, решила посмотреть на труп. В самом деле, никакой лужи крови под его головой не наблюдалось. Я почувствовала себя чуть-чуть получше. Но все равно тяжесть на сердце не отпускала. Я же его ударила! Он же упал! Конечно, после моих ударов падали, наверное, сотни человек, но никому еще не приходилось умереть от этого. А этот вон какой нежный оказался!

– Таня, да не волнуйся ты так, – снова заговорил Киря, увидев, что я немного ожила. – Все в порядке! Это была обычная самооборона. Слышала же, что судмедэксперт сказал? От твоего удара он бы не умер. Значит, это не на твоей совести. Тебе ничего не будет, обещаю.

– Киря, я убила человека... – медленно произнесла я. – Ты понимаешь, что это такое?

Подполковнику Кирьянову за свою жизнь приходилось несколько раз убивать людей, и он, без сомнения, знал, что это такое. И в то же время он знал о моей деятельности, поэтому поднял вверх брови и пожал плечами, считая все как бы само собой разумеющимся.

– Но... – начал он.

– Да он просто залез ко мне! Я не хотела, понимаешь! – прервала я его.

– Таня, я все понимаю, но ты сейчас не должна забивать этим голову, поняла? – Кирьянов, похоже, начал раздражаться. – Даже думать об этом не смей! А я обещаю, что помогу всем, чем смогу. Танька! Ну ты же у нас такая сильная, разумная, твердо стоящая на ногах!

Киря старался меня взбодрить. Я понимала это и согласно кивала, стуча пальцем по сигарете, непрерывно стряхивая с нее пепел.

Вздыхнув, Киря встал, отобрал у меня сигарету и пошел на кухню. Вскоре он вернулся с пепельницей и веником и принялся сметать пепел. Вид Кирьянова в моей квартире с веником в руках в другое время, наверное, позабавил бы меня, но только не сейчас. Я сидела, как мумия. Киря управился с наведением порядка очень скоро, потом подсел ко мне и обнял за плечи.

– Танюха, я все понимаю, – заговорил он. – Но давай рассуждать здраво: если бы ты его не ударила, он мог убить тебя! Понимаешь? Конечно, первое время тебе придется тяжело, но это пройдет, поверь мне. И все будет по-прежнему.

Умом я понимала все это, но одному богу известно, как у меня было мерзко на душе!

– Ладно, Киря. – Я решила больше не изводить Кирьянова, который из-за моих переживаний никак не мог толком заняться своей работой. – Все нормально.

– Ну вот и отлично, – облегченно вздохнул Киря и сразу засуетился. – Значит, ты сейчас даешь нам подписочку о невыезде, и все будет нормально, да? Ты же понимаешь, что это всего лишь формальность! Ты, разумеется, останешься дома.

– Понимаю, – кивнула я. – Давай свою подписку.

Не глядя черкнув свою подпись, я протянула документ Кирьянову. Он сунул его в карман и сказал:

– Ну, все, мне пора ехать, а ты давай отдыхай, приходи в себя и ни о чем плохом не думай. А как только все выяснится, я тебе позвоню. Договорились?

Я молча кивнула, хотя прекрасно понимала, что не думать о том, что случилось, не смогу. И Киря тоже это сознавал. Но я даже не подозревала, насколько ужасно почувствую себя, когда останусь одна. Уехала опергруппа вместе с Кирей, умчалась «скорая», и мне вдруг показалось,

что я осталась одна на всем белом свете. Просто невозможно было узнать прежнюю, уверенную в себе оптимистку Таню Иванову.

Что бы я ни пыталась делать, отвлечься от грустных мыслей не получалось. Мне захотелось посмотреть телевизор, но он только раздражал по-идиотски восторженными репликами ведущих ток-шоу или актеров из рекламных роликов. Выключила телевизор, но тут чувство одиночества нахлынуло еще сильнее. Достала с полки книгу, но и это оказалось совсем бесполезным действием, потому что я не понимала ни строки из того, что силилась прочесть. К журналу с кроссвордом даже прикасаться не стала, понимая, к чему это приведет.

Я попыталась заняться домашними делами, и это наконец-то принесло хоть какой-то результат. Я вытерла пыль, разобрала вещи в обеих комнатах, выбросила весь хлам, до которого все время как-то не доходили руки. А полы вымыла аж три раза, потому что именно это занятие, как оказалось, больше всего меня отвлекало. Оглядевшись, поняла, что делать теперь нечего. Странно: я всегда не любила убираться и злилась, что на это уходит чертова уйма времени. А больше всего ненавидела мыть полы. Теперь же я с удивлением отметила, что убралась необычайно быстро. Потратила всего полчаса, а уже все готово и снова не знаешь, чем себя занять.

Меня подмывало кому-нибудь позвонить, поговорить. Но я все-таки не стала этого делать, понимая, что не смогу нормально общаться, не думая о своем несчастье. А рассказывать о происшествии кому бы то ни было считала лишним и неразумным. Одним словом, я просто бродила по квартире как привидение, то включая телевизор, то выключая. Так я промаялась до ночи и с облегчением подумала, что теперь смогу уснуть и забыться хоть на какое-то время. Однако отключиться мне удалось только после двойной дозы снотворного. Как ни странно, но даже после столь сильнодействующего средства я проснулась довольно рано и сразу же вспомнила обо всем, что случилось вчера. Всегда так бывает: если происходит неприятность, которая тебя сильно задевает, ты не можешь думать больше ни о чем. Засыпаешь и просыпаешься только с одной мыслью, которая неотступно тебя терзает. В такие минуты я жалею, что нельзя искусственно отключить память.

Усилием воли я заставляла себя не думать о событиях вчерашнего дня, попыталась переключиться на что-нибудь другое, сделала зарядку, с особым усердием выполняя упражнения. Затем куда дольше, чем требовалось, принимала душ и думала о том, что, как назло, сейчас не предвидится никаких особых дел, никакого заказа. Будь у меня работа, я бы гораздо быстрее и проще забыла обо всей этой дурацкой истории. А так у меня в подсознании постоянно билась одна мысль: что там?

Я несколько раз подходила к телефону, набирала номер Кириянова и клала трубку, уверяя себя, что нет необходимости звонить первой. Ведь если бы появились новости, то Кирия давно позвонил бы сам, не мучая меня неизвестностью. Взглянув на часы, я отметила, что времени только половина одиннадцатого утра, и ужаснулась. Вот так просидеть целый день в одиночестве, изводя саму себя и ничего не делая? Да я с ума сойду! Мне вчерашнего вечера хватило! Но что предпринять? Я даже уйти из дома не могу – вдруг в это время позвонит Кириянов? Правда, у меня всегда с собой мобильник. Но Кирия может и не помнить номер, он отлично знает лишь мой домашний.

Я уже твердо решила, что сейчас все-таки позвоню ему сама и предупрежу, как вдруг раздался звонок в дверь. Открыв ее, – о чудо! – увидела Кириянова! И сразу заметила на его лице успокаивающую улыбку. На душе у меня полегчало.

– Таня, привет, не волнуйся. – Кирия шагнул мне навстречу. – Все хорошо. Парень просто умер от сердечной недостаточности, ты тут совершенно ни при чем, и никто к тебе не предъявляет никаких претензий.

«Дз-з-зинь...» – словно разжалась внутри какая-то пружина, сковывавшая меня последние сутки. Не в силах что-либо сказать, я опустилась на диван и уронила голову на руки. Вдруг

плечи мои дернулись, раз, другой... И я уже не могла сдержаться, и огромные слезы облегчения свободно полились из глаз. Честно признаюсь, такое со мной не приключалось уже очень давно. Даже не помню, когда в последний раз позволяла себя подобное безобразию. Но сейчас это вовсе не казалось безобразием, я чувствовала себя счастливой.

Кирия стоял рядом, абсолютно ничего не говоря и предоставляя мне возможность в полной мере выплеснуть эмоции. А у меня в мыслях стучало одно: все в порядке, все в порядке, я никого не убивала... И вместе со слезами спадало громадное напряжение, навалившееся на меня со вчерашнего дня. Только сейчас я в полной мере ощутила, как оно сжимало, стискивало меня своими железными клещами.

– Кирия, это правда? – подняв мокрое лицо, спросила я, хотя и так знала, что правда.

– Конечно, – с улыбкой ответил Кириянов. – Ну-ну, перестань. Теперь можно обо всем забыть.

Постепенно успокаиваясь, я затихла, посидела так несколько минут и, встав, направилась в ванную. Там умылась холодной водой и сразу почувствовала себя свежее. Вернувшись в зал, я уе как ни в чем не бывало предложила:

– Давай-ка, Кирия, позавтракаем. Честно говоря, я от всех этих переживаний забыла со вчерашнего дня о том, что на свете существует еда.

Кириянов, которому по роду занятий приходилось об этом забывать гораздо чаще, без всяких возражений кивнул головой, и мы отправились на кухню. Наскоро нарезав колбасы, сыру, помидоров и хлеба, я быстро слепила бутерброды и сунула их в микроволновку, а сама в это время открыла банку консервированных кальмаров. Затем разложила все по тарелкам, пододвинула к Кире банку соленых грибов, и сама набросилась на еду. После пережитого стресса у меня вдруг резко разыгрался аппетит.

– Кирия, – против всех правил этикета с набитым ртом спросила я, – а что вообще представляет собой этот парень?

– Ну, Танюха, опять ты за свое! – немного укоряюще произнес Кирия. – Поесть спокойно не дашь! Зачем тебе?

– Нет, нет, не волнуйся! – махнула я рукой. – Я абсолютно успокоилась. Просто мне интересно.

– Ну что, обычный, в общем-то, парень, двадцать три года. Закончил какой-то техникум, но так делом и не занялся. Так, подрабатывал где придется.

– Как его звали?

– Андрей Звягинцев.

– А жил с кем?

– Жил с матерью. Отца у него нет, умер незадолго до этого от рака.

– А сам он давно наркотиками увлекается?

– Говорят, два года. Я потому все так подробно выяснял, что, честно говоря, переволновался за тебя, сама понимаешь. Вот и узнавал все, что возможно. На момент смерти парень был сильно накачан наркотиками.

– Кирия, это точно передозировка?

– Да точно, врач же сказал. Смерть наступила от сердечной недостаточности. Сердце у парня слабенькое оказалось, а тут еще стрессовая ситуация... – Кирия запнулся и с тревогой посмотрел на меня.

– Та-а-ак, – протянула я. – Значит, если бы я не застала его у себя в квартире, он, может, и не умер бы, так?

– Господи, Таня! – поморщился Кирия. – Опять начинаешь? Ну сколько можно объяснять – ты тут совершенно ни при чем. Кто виноват, что наркоман к тебе полез? Если бы не ты, так в другой раз он вляпался бы во что-то подобное. Все равно конец один и тот же! Так что прекрати, пожалуйста, себя изводить!

Кириянов, похоже, вышел из себя. Но я знала, что такое состояние вспышки длится у него недолго, и через пять минут Кирия уже успокоился.

– Я не извожу себя, Володя, – спокойно ответила я, когда Кирия умолк и принялся вытирать платком вспотевший лоб. – Просто хочу до конца разобраться в ситуации. Я чувствую вину перед этим парнем. И перед его матерью...

– Снова-здорово! – воскликнул Кириянов, хлопая себя по коленкам. – И когда ты только угомонишься, Татьяна? И как ты вообще собираешься разбираться? В чем разбираться-то? Ведь парня никто не убивал! Надеюсь, тебе не пришло в голову искать тех, кто сделал его наркоманом?

– Я еще не знаю, что буду делать, – призналась я. – Но мне нужно как-то искупить свою вину. И начну я с разговора с его родственниками.

– Ты ненормальная! – вздохнул Кириянов. – Я всегда это говорил. Еще понятно, если бы тебе кто-нибудь заказал расследование, хотя тут и расследовать-то нечего. Чушь какая-то! Прости, не понимаю! Вяizzlyваешься черт знает во что, и неизвестно зачем!

– Известно! – упрямо ответила я. – Это нужно мне самой. Я не собираюсь что-либо расследовать. В сущности, ты прав: расследовать действительно нечего. Просто мне нужно привести в порядок свое внутреннее самочувствие.

– Поступай как знаешь, – махнул рукой Кирия. – Хотя мне казалось, что благодаря недавней информации ты уже привела в порядок свои мысли и чувства.

Кирия нахмурился и ушел в зал. Там он уселся на диван с газетой и демонстративно не обращал на меня внимания. Я знала, что долго Кириянов не выдержит, поэтому не делала попытки к сближению. Тем более что он не поспешил на свою службу. Это значит, во-первых, что у него там сейчас нет особых дел. А во-вторых – Кирия не хочет оставлять меня одну в надежде, что я переменю свое решение и заверю его, что в самом деле забыла всю эту историю и общение с родителями погибшего считаю полной чушью. Но дело было как раз в том, что я так не думала.

Буквально через пять минут Кириянов отложил газету и посмотрел на меня.

– Ну что, ты поняла, что затеяла глупость? – примирительно спросил он.

Я вынуждена была его разочаровать и сказала:

– Кирия, дай мне адрес этого парня! И его родных. Я просто с ними побеседую. Если не дашь, так я и сама смогу его узнать в другом месте, ты же понимаешь.

Кирия только вздохнул. Некоторое время он походил по комнате туда-сюда, потом все так же молча достал из кармана своего пиджака блокнот, выдернул из него чистый листочек и что-то на нем написал. Я поспешила взять его, поблагодарив Володю. Тот пожал плечами и довольно сухо сказал:

– Мне пора. Дело о смерти Звягинцева закрыто. Но если мать попробует его опротестовать, тебе, возможно, придется выступить свидетелем.

– Вот поэтому я и хочу с ней встретиться, – проговорила я, но Кирия меня уже не слушал. Он вышел из моей квартиры и стал спускаться вниз. Я же решила не тратить времени даром. Немедленно сварив себе кофе на две чашки, выпила их одну за другой, попутно одеваясь и накладывая легкий макияж. Затем спустилась во двор, завела свою «девятку» и отправилась к родным Андрея.

Глава вторая

Жили они в однокомнатной квартире на улице Чехова, что находилась довольно далеко от моего дома. На звонок открыла худенькая женщина с темными кругами под глазами. Выглядела она лет на шестьдесят, хотя, присмотревшись, я поняла, что ей на самом деле гораздо меньше. Видимо, ее подкосило известие о сыне.

Я вдруг почувствовала угрызения совести. Черт, совсем не подумала о том, что приперлась в совершенно неподходящий момент! Ведь людям сейчас, мягко говоря, ни до кого. К тому же к этому примешивалось некоторое чувство вины за смерть Андрея. В самом деле, что я скажу его матери? Что ко мне залез ее сын, я его застала, потом врзала как следует... Материнская любовь неизбежно возьмет верх над объективностью.

Ладно, все равно уже пришла. Попробую вести себя как можно мягче и тактичнее.

– Вы меня извините, пожалуйста, – вложив в свое обращение максимум сочувствия и уважения к ее горю, сказала я женщине. – Мне необходимо поговорить с вами насчет вашего сына...

– Ах, вы из милиции... – тихо ответила женщина. – Проходите, пожалуйста. К нам теперь часто ходят.

Слава богу, мне не пришлось объяснять ей, кто я. Соврать в такой ситуации мне вряд ли удалось бы. Женщина провела меня в комнату и указала рукой на кресло. Я обратила внимание, что обстановка в комнате далеко не роскошная, мебель уже старенькая, потрепанная. Видимо, доход этой семьи невысок. Да еще такое горе навалилось...

– Хотите чаю? – каким-то равнодушным голосом предложила женщина.

– Нет-нет, спасибо, – отказалась я и представилась: – Меня зовут Татьяна Александровна.

– А я – Звягинцева Валентина Александровна, – все тем же ровным голосом представилась мать Андрея.

– Да-да... – Я замялась, мысленно стараясь взять себя в руки и задавать конкретные милицейские вопросы. Но так как я сама не очень хорошо себе представляла причины и цели своего визита сюда – вернее, причина-то была ясна, но вот цели... – то никак не могла сообразить, с чего начать.

– Расскажите мне об Андрее, – наконец попросила я. – Как можно подробнее. Для расследования все пригодится.

На самом деле мне ничего не могло пригодиться из ее рассказа, но я понимала, что женщине легче будет разговаривать, если она начнет повествование с малозначащих деталей.

– Андрюша всегда был непослушным мальчиком, – заговорила Валентина Александровна. – И в школе учился плохо, учителя на него жаловались. Отец ремнем порол – не помогло.

Она замолчала, вспоминая своего сына маленьким. Потом продолжила свой рассказ:

– На собрания родительские меня все время вызывали, говорили, что сын плохо ведет себя. Я разговаривала с Андреем, ругала, просила, он все молчал. У него такой характер от рождения. Ну вот, а потом, как школу закончил, в техникум поступил. Я думала, может, наконец, за ум возьмется, ан нет. А тут еще отец умер, так Андрей совсем от рук отбил. Ничего слушать не хотел, грубил только все время. Деньги стал из дома таскать. Я говорила – что ты делаешь, ведь нам и так жить не на что...

– Валентина Александровна, – воспользовавшись паузой, спросила я, – а когда вы поняли, что Андрей принимает наркотики?

– Да не сразу, – призналась она. – Откуда я знаю, как это проявляется? В наше время такой гадости не было. Только стала замечать, что сын какой-то не такой стал. То лежит часами,

в стенку смотрит, то вдруг ни с того ни с сего энергия у него появляется, а то орать на меня начинает.

– А раньше Андрей вам не грубил?

– Ну, особо ласковым он никогда не был, – махнула она рукой. – Но деньги раньше не воровал и меня не обзывал. А тут вообще, словно с катушек слетел.

– Как же вы жили вместе?

– Ну, как? – пожала она плечами. – Ужасно, конечно. Поэтому, когда он ушел, я даже вздохнула с облегчением.

– Куда ушел? – удивилась я. – Разве он жил не с вами?

– Сперва со мной. Только потом с девкой какой-то познакомился, стал у нее пропадать. Она, по-моему, той же дрянью баловалась! – неприязненно сказала Валентина Александровна.

– А что за девушка? Где живет?

– Да я и не знаю, где. Знаю только, что шалава она, и больше никто. Я думаю, что это она сына моего к наркотикам приучила! – с горечью и гневом проговорила Звягинцева.

– Почему вы так думаете? – осторожно спросила я.

– А кто же еще? – искренне удивилась Валентина Александровна.

Я еще раз поразились материнской необъективности. Собственно, к такому пора привыкнуть и воспринимать спокойно. Естественно, мать всегда защищает свое дитя. Родной сынок, что бы ни натворил, никогда виноват не будет. Всегда найдется кто-то, на кого можно возложить ответственность за все выходы любимого чада. Я ожидала примерно чего-то подобного, поэтому просто слушала, стараясь вычленив из рассказа Валентины Александровны хоть какое-то рациональное зерно.

– Она вечно как чумная ходила, – все-таки привела более существенные аргументы женщина. – И денег у них постоянно не хватало, Андрей ко мне ходил кланяться. А на что им особо тратить? Детей-то у них нет! Да и слава богу, что не заделали, кто у них мог получиться-то при таком образе жизни? Дурачок какой-нибудь, и больше ничего! А с другой стороны... Теперь вот внуков мне никогда не дожидаться. – Звягинцева всхлипнула, промокнула глаза и со вздохом махнула рукой: – Хотя я уж и смирилась с этим давно!

– Валентина Александровна, а как зовут эту девушку? – спросила я, кивая в ответ на ее реплики в адрес этой особы.

– Да Ирка-шалава, как еще ее звать-то! – махнула она рукой. – Путалась со всеми подряд!

– Так она живет где-то рядом? – спросила я.

– Да вроде рядом, она часто тут крутилась. Вы спросите у кого-нибудь во дворе, вам подскажут.

– Да-да, непременно. Валентина Александровна, похороны когда? – Я еще не знала, пойду ли туда и зачем мне все это, но на всякий случай спросила.

– Послезавтра, – ответила Звягинцева. – Скорее бы уж... – Она как-то спохватилась, произнесла эти слова, и тут же заговорила, оправдываясь: – Нет-нет, вы не подумайте, что я побыстрее мечтаю сына зарыть, просто устала очень... Если бы вы знали только, какое испытание – с наркоманом жить, прости Господи! Ох, не дай бог, вы не подумайте, что я вам такого желаю... – Она приложила руки к груди.

– Да я понимаю, понимаю, – поспешила я ее успокоить. – Конечно, горе такое...

– Да не то слово! Ведь я ж его растила, старалась. Хотела, чтобы он человеком стал, чтобы радость приносил родителям на старости лет... – Женщина снова всхлипнула. – Да я бы обрадовалась, если бы он с хорошей девушкой встречался и она родила от него... Сейчас бы хоть внук у меня остался или внучка. Только бы здоровенькие!

Я встала и заглянула в кухню. Нашла на полочке стакан, наполнила водой и, вернувшись в комнату, протянула его Валентине Александровне. Та машинально выпила воду, вытерла губы и села, подперев рукой подбородок.

– Вы знаете, – покачивая головой, сказала она, – может, это и звучит кощунственно, но у меня даже на душе легче... Ужасно звучит, но я просто за последнее время устала так, что мне жить не хотелось. Вечные его ломки, кражи денег из дома, приезды милиции, жалобы соседей... Мне людям стыдно в глаза смотреть! Сколько раз в больницу его отвозила, думала, вылечится наконец – нет, все напрасно!

– Валентина Александровна, скажите, а с кем дружил ваш сын?

– В детстве были у него друзья, а теперь прощелыги одни, их и друзьями-то не назовешь! Ох, да сюда кто только не шлялся! Среди ночи могли припереться запросто. Я и по именам-то их не знаю. Так, шваль всякая.

– Понятно. – Я поблагодарила Валентину Александровну и встала. Выяснить здесь больше нечего.

Выходя из квартиры Звягинцевых, я подумала, что теперь нужно разыскать Иру и спросить ее. После разговора с матерью Андрея я перестала испытывать какую бы то ни было симпатию к нему. И угрызения совести приутихли. Теперь стояла задача поговорить с Ирой. Может быть, дать денег Валентине Александровне, чтобы компенсировать моральный ущерб? Хотя какой, к черту, ущерб?! Ведь, как бы цинично это ни звучало, я по сути дела избавила Звягинцеву от нахлебника, который не только не помогал ей ничем, но еще и тянул с нее деньги. Однако, раз уж я косвенно виновата в смерти близкого ей и Ире человека, то передам им денег, может быть, не называясь, и на этом посчитаю свою миссию оконченной. И поставлю точку на этом деле.

Выйдя на улицу, я увидела сидящих на лавочке бабулек и подошла к ним. Бабульки, при всей их зловредности – самые ценные агенты. Правда, теперь мою деятельность сложно охарактеризовать с рациональной точки зрения. Здесь Киря оказался прав. Но это превратилось в мою личную потребность – разобраться в жизненных перипетиях Андрея Звягинцева. Такое я позволяю себе крайне редко, только в единичных нестандартных случаях. И сейчас представился именно таковой: пусть косвенно, но я стала причиной смерти Андрея. И буду копаться в этом, пока душа моя не успокоится. Хотя и понимаю, что с юридической точки зрения я ничего нового здесь не открою.

– Добрый день, – поприветствовала я тем временем старушек.

Бабульки закивали, с нескрываемым интересом глядя на меня.

– Скажите, пожалуйста, вы не знали Андрея Звягинцева?

– Андрюшку-то? – тут же спросила одна из бабулек. – Как же его не знать? Сызмальства тут жил. Только нет его больше. Отгулялся, голубчик, умер. Видать, бог наказал.

– Ох, не говорите так, Варвара Григорьевна, – возразила другая. – Какой бы ни был, а все ж человек. Жалко...

– Жалко! – возмутилась Варвара Григорьевна. – А Валентину не жалко? Женщину чуть в гроб не вогнал... Прости господи! – перекрестилась она.

Вторая старушка посмотрела на меня и спросила:

– А ты, дочка, откуда будешь-то?

– Из милиции. – Бабулькам я могла врать легко.

– А-а-а... – протянула та понимающе. – Расследуете, да? Так чего ж тут расследовать, и так ясно: от наркотиков своих умер, от гадости этой.

– Там есть некоторые невыясненные обстоятельства, – проговорила я, дивясь про себя осведомленности бабушек. Ведь сама только недавно выяснила причину смерти Андрея. Впрочем, бабки могли ничего и не знать, а просто сделать собственные выводы и быть абсолютно уверенными в их правильности. Наркоман? Наркоман! Значит, от наркотиков и умер. Все просто. – Так вот, мне нужно узнать адрес девушки, у которой жил Андрей, ее зовут Ира. – Мне захотелось поскорее завершить общение.

– Да кто же ее знает, где она живет, – пожалала плечами Варвара Григорьевна. – Крутилась тут, к нему ходила, да и не только к нему. А где живет, мы не знаем. Да она с нами и не разговаривала никогда.

– А у кого можно узнать? – полюбопытствовала я. – Понимаете, мы не знаем даже ее фамилии.

– Да фамилию я знаю, – сказала вдруг собеседница Варвары Григорьевны и принялась пояснять: – Я как-то на лавочке сидела, а она по двору идет. Идет – и словно не видит ничего вокруг. А тут Мишка Коробов ее окликает: «Ирка!» А она – ноль внимания. Он еще раз окликнул: «Ирка! Рябоконова!» Вот так-то я фамилию ее и услышала.

– А потом он чего? – заинтересованно спросила Варвара Григорьевна.

– Да догнал ее, за руку взял и повернул к себе. Тут только Ирка и поняла, что ее окликают. Как пьяная шла.

Эти слова донеслись уже мне в спину. Услышав фамилию Иры, я тут же повернулась и чуть ли не бегом побежала к своей машине, сквозь зубы поблагодарив старушек за уделенное мне внимание.

Так, значит, Ира Рябоконова. Плохо, конечно, что я не знаю ее отчества – проще найти адрес, – но и это уже хорошо. К тому же я примерно знаю ее возраст, да и Рябоконова – фамилия достаточно редкая. Попробую что-то выяснить в адресном столе. В крайнем случае, найду через знакомых ментов.

В адресном столе мне дали два адреса. Я сравнила их и выбрала тот, что ближе к дому Звягинцевых. Раз Ира часто крутилась там, значит, и жила где-то поблизости. Вырулив на центральную улицу, я поехала по ближайшему адресу.

Дом, в котором она жила, располагался на тенистой небольшой улочке. Въехав во двор, остановилась напротив старой двухэтажки. Строение оказалось очень ветхое. Его, конечно, давно пора было снести, но пока что оно стояло, и люди даже умудрились жить в нем. Хотя каким образом – представлялось весьма смутно.

Поднимаясь на второй этаж по скрипучей лестнице, которая при каждом шаге норовила просто рассыпаться под моими ногами, я остановилась перед обитой дерматином дверью с номером пять. Обшивка на ней пооблупилась во многих местах, из-под нее торчали клочки ваты. Кнопки звонка не было.

Я достала из сумочки ключи и постучала по замочной скважине. Мне никто не открыл. С досады я пнула дверь ногой и тут только поняла, что она не заперта. Я потянула на себя ручку и просунула голову в коридор. Там была абсолютная темнота.

Вдруг раздался страшный грохот, и я почувствовала, как что-то скользкое и тяжелое свалилось мне на голову, чуть не свернув при этом шею. От неожиданности я присела. Потом, поняв, что больше ничего не гремит и не падает, потянулась к сумочке за спичками. Когда зажгла одну из них, то чуть не закричала от ужаса: передо мной в луже крови распласталось чье-то тело! Мои руки, блузка, брюки были выпачканы в липкой красной жидкости. Большого кошмара нельзя себе представить!

С трудом заставив себя подняться с пола, я, пошатываясь, приблизилась к стене и нащупала выключатель. Свет вспыхнул неожиданно. При нем увиденная мной картина оказалась еще страшнее, словно я попала на съемку фильма ужасов.

Лицо девушки, лежащей на полу, было расплосовано так, что определить его черты казалось затруднительным. Никаких сомнений в том, что она мертва, ее внешний вид не вызывал. Порванная одежда вся пропиталась кровью, так же как и длинные светлые волосы. Создавалось впечатление, будто здесь орудовал какой-то маньяк.

Стараясь не потерять рассудок, я огляделась в поисках телефона. Его, конечно, не было и быть не могло в подобной квартире. Я вышла на лестничную площадку, собираясь найти телефон на улице, но, взглянув на себя, вовремя опомнилась. Да уж, вид у меня – как у человека,

только что разделавшего тушу. Руки в буквальном смысле по локоть в крови, возможно, и лицо перепачкано. Но мне совершенно не хотелось лезть в сумочку за зеркалом и смотреть на себя.

Остановившись перед лестницей, я в растерянности размышляла, как же быть. В этот момент распахнулась дверь соседней квартиры. Оттуда вышла полная пожилая женщина с химической завивкой на рыжих волосах. Увидев меня, она раскрыла рот и издала какой-то протяжный вой.

– Успокойтесь, – кинулась я к ней, но та отпрянула, закрываясь большой хозяйственной сумкой, и буквально заголосила.

Сразу же из дверей повысовывались соседи, всполошенные ее криком.

– Успокойтесь, – пытаюсь перекричать женщину, что мне удавалось с трудом, объясняла я. – И вызовите, пожалуйста, милицию. В вашем доме, в пятой квартире труп. Я его обнаружила, поэтому и перепачкалась в крови.

Все смотрели на меня с испугом, к которому теперь примешивалось еще и любопытство. Наконец одна из женщин вышла из своей квартиры и сказала:

– Ну что ж, милицию все равно звать нужно. Пойду позвоню.

Она зашлепала ногами в тапочках на босу ногу по лестнице вниз. Я вздохнула и полезла в сумочку за сигаретами. К этому времени кровь на моих руках уже высохла и стянула кожу. С жадностью затягиваясь, я выпускала дым и тут же делала следующую затяжку. При этом я заметила, что пальцы дрожат.

А у кого бы не дрожали, доведись пережить подобное? Я была настолько шокирована, что напрочь забыла о таком достижении цивилизации, как мобильный телефон. И что он лежит у меня в сумочке и благодаря ему милицию можно было вызвать безо всяких проблем.

Вскоре вернулась женщина и сообщила, что милиция скоро приедет. Все как-то сразу облегченно вздохнули и засуетились.

– А кого убили-то? – подала голос женщина, та, что первая наткнулась на меня.

– Не знаю, – тихо ответила я. – Девушку какую-то. Волосы светлые...

– Так это Ирку, наверное, – вступила другая. – Говорила я ей – не доведут делишки твои до добра!

Я была настолько выбита из колеи происшедшим, что даже не поинтересовалась, что понимает женщина под Иринными «делишками».

– Да хахаль ее и пристукнул, наверное. Обкурились оба или обкололись, вот он и прибил ее! Оба разбойники!

Под хахалем-разбойником подразумевался, видимо, Андрей. Но я знала, что он умер еще вчера, поэтому не мог убить Иру. Да и Ира ли это вообще? Еще неизвестно. Соседи-то ее не видели! А может быть, она была уже мертва вчера? То есть – Андрей убил ее, потом полез ко мне, а девушка все это время лежала здесь бездыханная? Или...

В голове бродила такая каша, что хотелось сжать ее покрепче, чтобы хоть как-то прояснить мозги. И очень хотелось на свежий воздух, но выходить в окровавленном виде на улицу я не решалась. Вот милиция приедет, тогда и разберемся.

Милиция приехала на удивление скоро. Володи Кирьянова среди прибывших не оказалось, что меня не на шутку расстроило. С Кирей все-таки легче было бы объясняться. С другой стороны, присутствие незнакомых людей заставит меня держать себя в руках и не позволит расслабляться. Сейчас нужно максимально четко описать, как все произошло.

Ко мне подошел высокий, довольно молодой человек в форме капитана и представился Стрижниковым Константином Алексеевичем. Он попросил меня назвать свое имя, адрес и другие анкетные данные.

– Иванова Татьяна Александровна, – машинально отвечала я. – Закончила Тарасовский юридический институт, бывший сотрудник прокуратуры, в данный момент являюсь частным

детективом, – при этом я достала из сумочки водительское удостоверение – единственный документ, который у меня был при себе в данный момент.

Капитан с интересом посмотрел на меня. Я не стала говорить, что знакома со многими сотрудниками правоохранительных органов, считая, что, во-первых, это и так очевидно, а во-вторых, все разъяснится очень скоро, и я смогу уехать домой.

– А как вы сюда попали? – удивленно спросил Стрижников.

– Константин Алексеевич, – устало проговорила я, – если вы не возражаете, то нельзя ли мне привести себя в более-менее приличный вид? А потом я готова ответить на любой ваш вопрос.

– Да-да, конечно, – с готовностью ответил Константин Алексеевич. – Только не в этой квартире, – кивнул он на пятую. – Там сейчас идет осмотр места происшествия.

Он повернулся к соседям, застывшим в дверях квартир.

– Кто-нибудь из вас не мог бы предоставить женщине возможность умыться? – спросил он.

Сразу же нашлось несколько желающих, убедившихся, что Константин Алексеевич настроен ко мне весьма дружелюбно. Одна из женщин, настроенная решительнее всех, сильнее распахнула дверь своей квартиры и пригласила меня к себе.

Она провела меня в ванную, где я наконец смогла посмотреть на себя в зеркало. Лучше бы этого не делать! На меня смотрело какое-то чудовище, не имеющее ничего общего с моим реальным обликом. На правой щеке багровели четыре красные полосы, видимо, я провела по ней пальцами. Волосы на лбу слиплись в красноватые сосульки. Очевидно, они запачкались, когда тело девушки упало на меня.

Вспомнив этот момент, я содрогнулась. Противные мурашки немедленно поползли по всему телу. Страшно! Хоть я человек не особо впечатлительный и достаточно сильный морально, боюсь, что представшая сегодня моему взору картина будет долго преследовать меня по ночам в кошмарных снах. Интересно, волосы отмоются? Если нет, то придется прибегнуть к помощи Светки-парикмахерши, чтобы соорудила мне новую спасительную прическу, дабы я могла спокойно появляться на людях. Тьфу ты! Вот уж не думала, что придется обращаться к Светке. Тем более что мы вроде как поссорились и не разговариваем.

Размышляя об этой чепухе – видимо, под влиянием шока, – я отмыла лицо, кое-как постаралась отскрести волосы и даже застирала воротник и рукава блузки хозяйственным мылом, лежавшим на краю раковины. Конечно, блузка не отстиралась, и на ней остались бурые пятна, – ну да и черт с ними, дома замочу с отбеливателем. Главное, что я теперь хотя бы не вызываю оторопь своим видом.

Выйдя в коридор, я поблагодарила хозяйку квартиры за любезно предоставленную мне ванную и пошла к Константину Алексеевичу, который ждал меня в машине на улице.

– Ну вот, Татьяна Александровна, теперь, когда вы более-менее успокоились, поедem к нам. Я хотя бы кофе вас напою, – проговорил он, слегка улыбаясь.

– У меня своя машина, – ответила я.

Константин Алексеевич с удивлением посмотрел на меня:

– Вы хотите вести машину в таком состоянии? Татьяна Александровна, это неразумно.

– Не беспокойтесь за меня, я всегда сосредоточенна, что бы ни случилось, – заверила я его.

– Что ж, вы мужественная женщина, вам даже позавидовать можно, – произнес он с нотками уважения в голосе.

– Я поеду впереди, – сказала я и добавила, усмехнувшись – Чтобы вы не подумали, будто собираюсь от вас бежать.

– Что вы, что вы! – замахал руками капитан Стрижников. – Я даже и не думал так! Вас никто ни в чем не подозревает!

Я только вздохнула и пошла к машине. Дойдя до нее, повернулась к капитану и попросила:

– Константин Алексеевич, не могли бы вы вызвать подполковника Кириянова? Мне бы хотелось с ним посоветоваться.

– Я попробую с ним связаться, – ответил капитан. – Но не знаю, сможет ли он найти время. Хотя, если вы знакомы лично...

– Он приедет, можете не сомневаться, – ответила я уверенно.

Однако Киря не приехал. Но вовсе не потому, что ему было наплевать на судьбу своей давней знакомой, не раз выручавшей его самого, а просто-напросто потому, что его не было на месте. Пришлось мне общаться со Стрижниковым наедине.

В отделении, куда мы приехали, обстановка была примерно такая же, как и на работе у Володи Кириянова.

«Все эти конторы одинаковы», – подумала я, садясь на жесткий стул в кабинете Стрижникова и всей душой радуясь про себя, что не задержалась в свое время в этой структуре надолго.

Я честно рассказала капитану о том, как все получилось. Глаза его все больше прищуривались.

– Так, значит, Андрей Звягинцев умер у вас дома? – переспросил он.

– Да, – со вздохом ответила я.

– А скажите, Татьяна Александровна, зачем вам вообще понадобилось ехать к этой Ире? Кстати, именно ее труп вы обнаружили. Соседи ее опознали, несмотря на то, что лицо сильно изуродовано.

– Я сама не знаю, – помолчав, призналась я. – Я и Володе так сказала, можете спросить у него. Просто чувствовала свою вину, пусть и косвенную, понимаете?

Не знаю уж, понимал меня Стрижников или нет, но он кивнул.

– Люди, которые не раз убивали человека, возможно, не поймут меня, – вдохновенно продолжала я. – Они наверняка не так остро это воспринимают, но я столкнулась с подобным случаем в первый раз... И надеюсь, что в последний, – передернулась я. – Когда Киря... – я запнулась, – простите – подполковник Кириянов сказал, что я не виновата в смерти Звягинцева, мне стало немного спокойнее, но все равно чувствовала, что должна что-то сделать для этой семьи. Пошла к его матери, хотела просто поговорить о нем. Она рассказала мне про Иру. И я решила для полной очистки совести поговорить с Ирой. Я делала все это исключительно для себя, понимаете? Ну, чтобы потом не мучиться угрызениями совести. Думала, поговорю с Ирой, дам ей и Валентине Александровне денег, и на этом все закончится. Но, приехав к Ире, нашла только ее труп...

Да еще как нашла... – Вспомнив о том, как на меня упало скользкое от крови тело, я почувствовала подкатывающую к горлу тошноту. Всколыхнувшееся чувство отвращения заставило меня потянуться к стоящему на столе графину с водой. Стрижников услужливо пододвинул мне стакан.

Вода была теплая и противная на вкус, но все-таки помогла мне справиться с тошнотой.

– Вот, собственно, и все... – подвела я итог. – Подъехала я около часа дня. Девушка была уже мертва.

Осталось узнать результаты экспертизы, которая установит время смерти, сопоставить все факты. Расспросить соседей, не видели ли они, кто приходил к Ире до меня.

– Вы, я смотрю, разговариваете, как сотрудник милиции, – с уважительным удивлением произнес Константин Алексеевич. – Так часто разговариваете с Кирияновым о его профессиональных делах?

– Скорее, это мои профессиональные дела, – улыбнулась я. – Если бы вы знали, сколько мне приходилось таких дел расследовать...

– Вы давно занимаетесь частными расследованиями? – мгновенно переключившись, поинтересовался Стрижников.

– Достаточно, – заверила я его. – Так что эта история для меня далеко не первая. И трупов я за свою жизнь видела немало. Но все равно очень неприятно. Тем более таким образом! Когда труп падает буквально тебе на голову – это...

– Я понимаю, понимаю, – поспешно проговорил Стрижников. – Ну что ж, Татьяна Александровна, думаю, что могу вас пока отпустить. Я понимаю, что вы ни в чем не виноваты... – он посмотрел на меня, как-то странно прищурившись, – но вынужден просить вас никуда не уезжать из города.

– Вы не верите мне? – прямо спросила я.

– Нет, просто вы можете нам понадобиться, – глядя куда-то в сторону, ответил он.

Все ясно. Может, он и не подозревает меня, конечно, но сомнение в моей честности у него, безусловно, есть. Так, Татьяна Александровна. Теперь вам предстоит еще доказывать, что вы не верблюд. Что ж, к таким вещам я в своей практике давно привыкла. Не первый год, как говорится, замужем. Но вот что обидно – мне за это никто ничего не заплатит.

Я, честно признаться, больше люблю работать за деньги. Нет, я никогда не откажу в помощи, если речь идет о близком мне человеке. И для друзей запросто могу потрудиться бесплатно. А в данном случае дело касалось самого близкого мне человека – меня самой. И, похоже, придется защищать свое честное имя. Конечно, никто меня пока не обвиняет, но я очень не люблю, когда на меня смотрят с недоверием. Кириянов, возможно, будет возражать. Ну и черт с ним! А, собственно, почему он обязательно будет возражать? Кирия меня давно и прекрасно знает, и у него никогда еще не находилось повода усомниться в моих профессиональных качествах. К тому же я ему не жена, не дочь и даже не любовница. Так что особенно волноваться за меня у него резона тоже нет.

Выйдя на улицу, я села в свою девятку и закурила. Нет, расследование начинать сегодня не буду. У меня просто нет сил. Сейчас домой, холодный душ – и спать. А вот завтра...

Я почти не сомневалась, что Иру убил такой же наркоман, один из ее так называемых друзей. Об этом говорил и характер совершения преступления: разве нормальный человек проявил бы такой садизм? Скорее всего, просто пырнул бы ножом, и все. А тут уж больно зверски убийца ее исполосовал. Или настолько сильно ненавидел? Ладно, разберемся.

Я пульнула окурков в окно и завела машину. По дороге не стала даже останавливаться у магазина, чтобы купить продукты, полагая, что есть сегодня вряд ли захочу.

Дома приняла душ и собиралась уже лечь спать, как зазвонил телефон. Звонил Кириянов, которому уже доложили об очередной неприятности, свалившейся на его старую знакомую. Кириянов разозлился страшно и орал на меня в трубку. Он даже не представился и не поздоровался.

– Что ты делаешь, Татьяна? – гремел он. – Разве я не предупреждал тебя, чтобы ты не лезла не в свое дело? Что ничего хорошего из этого не выйдет? Выполняй свои заказы, работай себе тихо-мирно, а глупостями не занимайся! Для чего ты ввязалась туда, куда вообще не следовало ввязываться?! Нашла на свою голову труп! Во всех смыслах!

Кирия явно не следовал логике. Во всяком случае, насчет того, чтобы «тихо-мирно» работать, он однозначно ляпнул сгоряча. Сама моя профессия не предусматривала тишины и мира. А про трупы и говорить нечего. Собственно, без трупов моя профессия многое теряла, как бы нелепо и цинично это ни звучало.

Я спокойно слушала Кирины упреки, даже не пытаюсь оправдаться. Да, на этот раз он выразился верно. Я влезла не в свое дело и теперь расплачиваюсь. Так оно и есть!

– Да, Кирия, – спокойно ответила я. – Полностью с тобой согласна. Я сама нашла проблему на свою голову.

Кириянов так поразился моему спокойному тону, что даже резко замолчал. Он ожидал, что я, как всегда, начну кричать в ответ, защищая себя, говорить, что живу так, как хочу, и что он мне не указ, и пусть оставит меня в покое и все такое. Но вот моего спокойного равнодушия никак не ожидал.

Помолчав несколько секунд, Кирия осторожно спросил:

– Татьяна, с тобой все в порядке?

– Да, Володя, – ответила я.

Но Кириянов не поверил, потому что тут же сказал:

– Я к тебе заеду после работы, жди, – и повесил трубку.

Я в свою очередь тоже положила трубку на рычаг и со вздохом откинулась в кресле. Спать мне расхотелось. Необходимо наметить планы на завтрашний день. Я включила негромкую музыку, которая всегда действовала на меня самым лучшим образом, и стала размышлять.

Размышления мои прервал звонок в дверь. Я открыла и увидела подполковника Кириянова собственной персоной.

– Кирия, если ты пришел трепать мне нервы внушениями, какая я дура, то хочу сразу же тебе заявить, что не намерена ничего выслушивать. Я все знаю сама, – решительно пресекла я все возможные нападки со стороны давнего друга уже на пороге.

– Да нет, – поморщился Кирия. – Я немного погорячился, ты меня прости. Я понимаю, каково тебе, и приехал для того, чтобы помочь.

– В таком случае проходи, – улыбнулась я, пропуская Володю в комнату.

Кириянов разулся и, пройдя в комнату, сел в кресло.

– В общем, так, – начал он. – Я наехал на экспертов, чтобы они как можно скорее доложили о результатах. Короче, смерть Иры наступила около двенадцати часов дня.

– Я в это время находилась у Валентины Александровны Звягинцевой, – сообщила я, закрывая глаза и массируя веки пальцами.

– Отлично, отлично, – обрадовался Кириянов. – Тебя, конечно, никто не обвиняет, но все же иметь алиби – замечательно.

– Кирия, не объясняй мне прописные истины, – поморщилась я. – Как-никак я сама юрист, если помнишь.

– Конечно, конечно. Просто я хочу, чтобы ты осознала свое положение. Я постоянно буду в курсе всех дел, всех новых обстоятельств, и думаю, что тебе ничего не грозит. Но я бы очень хотел, Таня... – Кириянов пододвинулся поближе и сказал, серьезно глядя мне прямо в глаза: – Я хотел бы тебя попросить не ввязываться больше ни во что. Я сам разберусь.

– Кирия, ты же знаешь, что я не смогу усидеть на месте... – тихо проговорила я в ответ.

– Татьяна! Я знаю, что ты – женщина работающая, – перешел Кирия на другой тон. – И не можешь долго сидеть сложа руки. Но иногда у меня создается впечатление, что тебе все равно, что делать, лишь бы не бездействовать. Это неразумно. Я обещаю, что все проконтролирую. Расследование, я имею в виду.

– Я не сомневаюсь, Кирия, но позволь мне тоже участвовать.

– Даже если не позволю, ты же все равно ослушаешься, – вздохнул Кириянов. – Я же тебя знаю! Поэтому и не приказываю, а просто прошу! Прошу, пойми ты меня, как человека прошу!

Я внезапно прониклась Кириными словами. Он смотрел на меня серьезно, и я поняла, что он действительно меня просит. Видимо, мое вмешательство и впрямь может сыграть в данный момент не самую лучшую роль. И понятно, почему: я «засветилась» в двух смертях, которые, по всей вероятности, связаны между собой. По крайней мере, жертвы были знакомы.

– Ладно, Кирия, – согласилась я. – Пока я уступаю тебе. Но ничего конкретного обещать не могу – посмотрим, что произойдет дальше.

– И на этом спасибо, – проворчал Кириянов, не ожидавший от меня такого великодушия.

Глава третья

День начался тихо-мирно. Тишина квартиры, какой-то не касающийся меня шум за окном. Я была одна и наслаждалась одиночеством. То, что случилось вчера, тем не менее не очень располагало к душевному спокойствию. И я решила прибегнуть к испытанному методу – посоветоваться с костями.

12+20+25 – «Ваша предприимчивость больше проявляется в вашем воображении, чем в реальных делах.»

А вот это уже намек на мою отстраненность. Иначе и быть не может. Я была уверена, что кости подсказывают: «Назвался груздем – полезай в кузов». Следовательно, обещание, данное Кирьянову – не соваться куда не надо, – придется нарушить.

Наскоро собравшись, я отправилась в путь. Встречи с соседями Иры Рябоконовой оказались бестолковыми. Собственно, как и сами люди. Это были не очень приветливые, насто-роженные, неопрятные женщины средних лет и старше. Весь их облик говорил о том, что они тяготятся жизнью в этом проклятом богом старом жилом фонде. И давно уже потеряли надежду на то, что их дом снесут и предоставят новые квартиры. А пока что вследствие либо отсутствия мужчин в семьях, либо их алкоголизма обречены влачить жалкое существование. Которое вынуждены поддерживать всем, чем только можно, в том числе путем продажи левого спирта и еще чего-нибудь. Одним словом, передо мной предстало городское дно во всей своей убогой красе.

– А у нас милиция уже вчера все выпросила! – с вызовом говорили мне почти в каждой квартире, раздраженно отгоняя назойливых детей.

Тем не менее фраза за фразой – и женщины стали относиться ко мне более благосклонно, и я сумела задать интересующие меня вопросы. Поговорив с тремя соседками, я пришла к выводу, что Ира Рябоконова – или сирота, или родители ее далеко, или же им безразлична судьба их дочери. В общем, никто их не видел. А сама Ира появилась здесь не так давно, обменявшись квартирой с прежними жильцами. Поначалу соседи даже обрадовались, потому что прежние жильцы числились записными алкашами, но... Оказалось, что наркотики молодой Иры не лучше, а даже хуже пьяных дебошей обрюзгшего, дурно пахнущего дяди Коли.

– Шлындали к ней, кого черт пошлет, – взмахивали руками соседи. – Парни ходили целыми табунами! Был Андрюшка вроде у нее, а тут смотрю – еще один какой-то стал захажи-вать. Потом пропал, так Андрюшка начал. Смотрю – а она уже с третьим милуется...

Моральный облик госпожи Рябоконовой более-менее прояснялся, хотя и раньше особого тумана по этому поводу у меня в голове не возникало. Но главное – соседи не знали (а если бы знали, то наверняка Киря уже отработывал бы версии), кто мог желать зла Ире. Так называемых друзей набиралось много, но жильцы не только не ведали, где они живут, но даже по именам многих назвать не могли.

Но все же одно имя они упоминали чаще других – некая Марина, подруга, которая «такая же, как Ирка...» Далее следовал нецензурный эпитет на букву «Б».

Найти Марину не представлялось возможным. Однако соседи поведали мне еще об одном таинственном персонаже. Это была единственная представительница старшего поколения, с которой общалась Ира. Некая тетя Зина, пользующаяся недоброй славой самогонщицы и сводницы и живущая в квартале от их дома.

«Наверняка Кирьянов со товарищи уже там побывал», – подумала я, но все же выслушала объяснения, как добраться до тети Зины (которая не то действительно приходилась двоюрод-ной теткой Ире, не то просто сбоку припека). Через десять минут я уже приближалась к дому тети Зины, которую соседи презрительно именовали Зинкой. Старый, почерневший от бесчис-ленных дождей, опаленный солнцем дом с кое-где сохранившейся краской стоял прямо напро-

тив аптеки. Поднимаясь на крыльцо, я лелеяла только одну мечту – не провалиться сквозь прогнившие ступеньки в расположенную тут же выгребную яму, смердящую похлеще тухлой капусты.

На звонок дверь открылась, и на пороге появилась базарного вида баба неопределенного возраста, с физиономией, похожей на мерзлую картофелину, и кудлатыми желтыми волосами. На ее лице ярким пятном горели губы, выкрашенные красной помадой, которая подчеркивала нездоровый оттенок кожи. Больше никаких следов макияжа не наблюдалось. Хозяйка была одета в цветастый халат не первой свежести, перетянутый поясом другой расцветки. По блеску в ее глазах – причем под левым фиолетовым цветом проступал синяк – можно было догадаться, что она навеселе.

– Вам кого? – спросила она довольно неприветливо.

– Мне нужна Зинаида, – ответила я.

– Вы от кого? – спросила баба на этот раз заинтересованно, но тем не менее несколько настороженно.

– Я по делу, насчет Иры Рябоконовой.

Зинка подозрительно оглядела меня, не особо скрывая недоверие, скорчила скептическую физиономию и уточнила:

– По какому делу? Если чего про меня там насочиняли, то врут все. У меня Ирка Рябоконова уж сто лет не появлялась. А будут врать – я и сама на них в милицию заявлю. Видали мы таких, грамотеев...

И уже собралась было исчезнуть за дверью. Но я остановила ее:

– Это вы на кого так?

– На кого, на кого... – раздраженно передразнила Зинка. – На людей, на кого!

– Да, люди нынче злые, – доброжелательно согласилась я. – Но все же... Вы в курсе, что Иру убили?

Зинка была обескуражена.

– Убили?! Да ты что! – приложила она ладонь ко рту. – За что?

– Мне тоже хотелось бы знать. Поэтому и пришла.

Зинка несколько секунд стояла, пораженная моим известием, а потом приняла свой прежний задиристый вид и небрежно бросила:

– Так а я-то что? Я же говорю, не видела ее сто лет.

Это, конечно, было явным преувеличением, потому что, несмотря на ее затрапезный вид, Зинкин возраст вряд ли такой уж почтенный.

– Да просто хочу узнать, вы же тетя ее... – начала я нерешительно.

– А я всем тетя. Тетя Зина я, – подбоченясь, заявила моя собеседница. – Ну ладно, давайте, проходите в дом, – неожиданно смягчилась она.

Дело в том, что я нарочно звякнула пакетом. А звякнула потому, что в нем лежала бутылка водки, купленная в соседнем магазине. Специально для того, чтобы «подмазать» разговор, если тот пойдет со скрипом. Получилось так, что звон бутылки уже помогал. И это обнадеживало.

Я, уставившись себе под ноги, чтобы, не дай бог, ни на что не наткнуться в темном коридоре, прошла внутрь. Я направилась вслед за хозяйкой по протоптанной дорожке – мусор на ней утрамбовался от постоянного хождения. Вдоль этой тропинки по всему коридору были разбросаны самые разнообразные вещи: одежда, консервные банки, рваный мужской ботинок начала пятидесятых годов и даже жженая, со следами какой-то каши кастрюля. Словом, передо мной во всем своем неприглядном блеске представала коммунальная клоака.

Наконец мы добрались до некоего подобия гостиной, и Зинка, указывая на кресло, накрытое какой-то рваной пыльной тряпкой, предложила мне присесть. Так как, судя по всему, разговор мог затянуться, я решила проигнорировать все гигиенические нормы и села.

– Так что у тебя за вопросы-то? – чинно повела разговор Зинка, сложив руки на коленях и всем своим видом пытаясь соответствовать имиджу «нормального» человека.

– Ну, вы, как ее тетя, могли знать, с кем она общается, с кем у нее проблемы.

– Я тебе так скажу, – улыбнулась Зинка, расправляя грязную юбку и поглядывая в сторону пакета, поставленного мной у стола так, чтобы не оставалось никаких сомнений в том, что там бутылка. – Я всем тетя. И Ирке, и Маринке...

– Зинаида... Простите, не знаю вашего отчества...

– Васильевна, – важно подсказала Зинка.

– Зинаида Васильевна, я сразу хочу предупредить, что это очень важно! Вот вы сказали насчет Маринки. Вы знаете, где она живет? Кто она?

– Ничего я не знаю! – вдруг отрезала Зинка, и я поняла, что надо пускать в ход тяжелую артиллерию. – А ты из милиции, что ли?

– Отнюдь нет, – улыбнулась я и достала бутылку водки, заговорщически подмигнув Зинаиде Васильевне.

– Это чего? Мне, что ли? – притворно удивилась та.

– Вам, вам, – подтвердила я. – Я думаю, что так наш разговор пойдет веселее.

– Ну, спасибо, – качая головой, поднялась Зинка со стула и двинулась в сторону буфета. – У меня тут открытая есть, – достала она начатую бутылку водки. – А эту я припрячу. К празднику, – добавила она важно.

Я подавила смешок. Потому что прекрасно понимала, что праздник для Зинки начнется сразу же после моего ухода из ее квартиры. Как только она допьет первую бутылку, придет черед второй. Но эта сторона вопроса меня волновала меньше всего.

– А за что ж вы меня угощаете-то? – уточнила Зинка. – Не за просто ж так поите.

– Не за просто так, – согласилась я. – А, как я уже сказала, за честную информацию, которую хотелось бы от вас получить. Вы же понимаете, что с Ирой случилась беда. И я пытаюсь выяснить, почему это произошло. Вы можете оказать неоценимую помощь расследованию. Я даже облегчу вам задачу, чтобы вы не ломали голову, решая, о чем говорить, а о чем молчать. Одним словом, мне известно, что эта девушка была наркоманкой.

Зинка тяжело вздохнула, качая головой, затем плеснула из ополовиненной бутылки водки себе в заляпанный стакан и, посмотрев на него несколько секунд, резко опрокинула. Взяв с подоконника банку с квашеной капустой, она отправила горсть себе в рот и принялась жевать. Затем снова покачала головой и выдохнула:

– Хороша закуска. Самое то, под водочку... Для здоровья полезно.

Я не стала устраивать с ней дискуссии по этому вопросу и сказала:

– Так вы мне не ответили.

– Да чего уж тут отвечать-то, раз сами все знаете, – вздохнув, махнула рукой Зинка. – Ну да, знала я девку эту, знала. А что наркотики – так это не я. Она ко мне ходила за спиртом, вот и все. С Маринкой, своей подружкой... Видная такая девчонка.

– Где ее найти, не знаете?

Зинка покачала головой:

– Они придут, канючат: «Теть Зина! Дай нам, а то отойти никак не можем!» Теть Зина им все и устраивала! Спасибо должны бы сказать тете Зине, да разве от них дождешься! Я ей сколько раз говорила – никаких наркотиков тебе не надо! Вот спирт пей, а наркотики... Никогда не было у нас никаких наркотиков, это все демократы надемократили.

Она притворно смахнула слезинку уголком подола халата и снова наполнила свой стакан.

– Ирка-то была уважительная, – продолжала она. – У нее родители-то спились.

– Так вы тетя все же ей или нет?

– Да какая я ей тетя! – махнула рукой Зинка. – Мать знала ее, вот и все. Знакомая, считай... А к кому ей пойти, если не к тете Зине? Никого же у нее нет! Маринка если? У той

на роже написано, что проститутка она! Жалко мне ее было, Ирку-то, ох жалко! Молодая ж совсем девка!

Под влиянием алкоголя женщина расчувствовалась, и теперь я заметила на ее глазах слезы, похожие на искренние. Зинка подперла подбородок рукой и, тихонько качая головой из стороны в сторону, заговорила протяжно и певуче, напоминая сказительницу:

– Господи, всех-то их жалеешь, жалеешь, о себе не думаешь совсем! И денег-то почти не брала с них... Лучше матери родной относилась...

После этих слов она, видимо, вспомнила о том, что случилось с Иррой, помрачнела и пробурчала что-то себе под нос. Затем снова налила себе водки. В бутылке оставалось уже совсем немного напитка, грамм сто, и я забеспокоилась, что Зинка может утратить способность членораздельно говорить, поэтому сказала:

– Зинаида Васильевна, давайте все же сначала договорим, а потом вы сможете допить спокойно. К тому же у вас есть еще одна бутылка.

– Ладно, ладно, – закивала Зинка, с видимым сожалением отодвигая бутылку.

– Так что все же с Мариной? – напомнила я. – Она проститутка, говорите?

– А то! – с запалом воскликнула Зинка. – Что, по роже не видно, что ли?

«Старуха начинает повторяться», – уныло заметила я. И вообще мне стало казаться, что зря я затеяла поход по соседям Иры. Никакого видимого результата не наблюдалось, – банальная потеря времени.

А на Зинку вдруг накатил приступ агрессии, и она еще некоторое время сидела, злобно бурча в адрес соседок Ирки.

– Не знаю я ничего, – буркнула она. – Я как-то раз отказала им с Маринкой, потому что денег мне не заплатили... Они и перестали ходить. Наверное, на наркотики свои подсели. Дуры, эх, и дуры! Короче, бросили тетю Зину, как будто я им что плохое советовала! Эх, все побросали тетю Зину! – всплеснула вдруг она руками, вздыхая. – Одна я осталась на старости лет, – всхлипнула она, помутневшим взглядом глядя на бутылку.

«Старуху пробило на жалость к самой себе», – еще более уныло констатировала я. А через пять минут голова Зинки, отягощенная внушительной дозой алкоголя в полстакана водки, окончательно утратила способность адекватно мыслить. – Тебе спирта не надо, а? – вдруг спросила она меня, опершись на локоть и глядя мутными глазами.

Я покачала головой.

– А чего, он у меня хороший, не левый. Левый – это хачики на рынке продают. А у меня хороший!

– Нет, не нужен. Так вы не знаете, где можно найти эту самую Марину? – в последний раз с отчаянием спросила я.

Зинка, собрав остатки мыслей, снисходительно усмехнулась:

– Эх, милая моя! Да разве ж я их имена да адреса спрашивала? Они мне деньги, я им – спирт. Вот и все дела. А паспорта ихние мне без надобности. И от тебя не нужно ни паспорта, ничего... Я тебя даже не знаю как зовут... А меня... Как меня-то зовут, а?..

Она глупо улыбнулась и уронила голову на стол.

«Финита ля комедия», – прокомментировала я про себя. Финал логичный, ожидаемый и банальный.

Я посидела еще с минуту. Вдруг Зинка встрепенулась, подняла голову и как-то сосредоточенно начала растирать рукой грудь – видимо, избыток алкоголя плохо на нее подействовал. Она пробормотала что-то нечленораздельное, потом собралась с силами, доползла до кровати и повалилась на нее. Вскоре раздался храп. Мне ничего не оставалось, как уйти по-английски, не прощаясь...

Я уже собралась было звонить Кире, чтобы сообщить о некоей неуловимой подруге Марине, но потом вспомнила – я же обещала оставить это дело! Не оберешься всяких неприят-

ных высказываний в свой адрес. И тем более что я практически ничего полезного не выяснила, чтобы поделиться информацией с Кирьяновым. Мало ли какая Марина, мало ли какая подруга! Поэтому звонок не имел смысла, и я отправилась домой. Побуждение к действию, которое сделали мне кости, можно было расценить как фальстарт. Хотя кости знают больше, чем я. Кто знает, чем мои сегодняшние мытарства по коммуналкам отзовутся в дальнейшем?

* * *

И тут проявился мой знакомый менеджер среднего звена. Я уж про него и забыла, за всеми проблемами. Шутка ли, после периода застоя – два месяца уже не работала по специальности – на меня свалились два трупa. Может, это – напоминание о том, что нельзя терять квалификацию? Но я вроде ни при чем, просто клиенты куда-то испарились. Может, кривая преступности идет на убыль?

Вообще неплохо посоветоваться с костями. Надеюсь, что на этот раз получу новые рекомендации, помимо банальностей типа «смиритесь и ждите». С такими радужными мыслями я поспешила к заветному мешочку. Не глядя, бросила косточки на стол. Потом взглянула и обомлела.

3+36+17 – «Принимайте жизнь такой, как она есть, но из всего извлекайте уроки.»

Это что, издевательство, да? Я была в бешенстве. Кости ничего, абсолютно ничего не говорили насчет того, что надо делать! Они просто откровенно измывались надо мной. И вообще, может быть, я настолько грешна, что высшие силы решили наконец на мне отыграться? Раньше они занимались другими делами, а теперь, значит, дошли руки, да?

Вообще-то я к религии равнодушна. Ну, крещеная, конечно, не без этого. Но так, чтобы ходить в церковь, Библию читать – нет. Однако что-то заставляет, знаете ли, задумываться.

Да, скорее всего, ополчились на меня высшие силы. И вроде не грешила особенно в последнее время. Дома сидела, с мужчинами не заводила никаких легкомысленностей. Только вот разве соберусь с этим Виталием. Но он парень хороший, не какой-нибудь там подозрительный тип, коих – каюсь – много встретилось в моей биографии. Обидно... Вот так всегда. Сначала грешишь, грешишь, воруешь, воруешь, вон как наш губернатор. А потом вроде и перестанешь, а тут на тебе – наезд из прокуратуры. Обидно, да? Просто прокуратура дела свои разгребла и подумала: «Почему бы не подать сюда этого, как его... Ляпкина-Тяпкина. Давно хотели им заняться».

Ну нет, я этого так не оставляю. Волнуюсь, закурила и мрачно посмотрела на такое же мрачное, пасмурное небо, откуда, как я подумала, свалились на мою голову все эти напасти. Небо зловеще безмолвствовало.

«Ну и ладно, все равно выкрутимся», – подумала я по поводу вмешательства высших сил. Успокаиваясь и настраивая себя на бойцовский лад, прошла на кухню и поставила варить кофе.

Да, так вот насчет менеджера-то... Он позвонил и в свойственной ему оптимистичной манере поинтересовался, какого черта, когда он свой «Запор-Мерс» уже загнал, как дохлую клячу, почему-то не обнаружил «Жигулей», которым уже собирался объявить войну и драться на карбюраторах.

Выслушав этот восторженно-маразматический бред, я вздохнула и сказала:

– Слушай, приезжай ко мне, а? У меня серьезные проблемы.

У Виталия мигом пропал весь оптимизм.

– Серьезные? – переспросил он.

– Заодно и расскажу. Давай, приезжай, я все равно не склонна выходить из дома.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.